

ЗНАМЕНИТЫЕ В ТУРКМЕНИИ

Третий из династии Клоунов

В начале 1947 года директор Ашхабадского цирка Д. В. Говорин предпринимал отчаянные попытки спастись от банкротства. «Все новое! Все оригинальное! Верх комизма! Вне конкуренции! В первый раз!» — зывали публику огромные афиши в тесное чрево здания на Куропатинском проспекте. Однако нижние чины, курсистки, горничные, лакеи, фэтонщики, гимназисты и конторщики почему-то не толпились у кассы. Дирекция не жалела затрат, давала, казалось, исключительно первоклассные номера, обновляла репертуар, дабы доставить возможно больше удовольствия и развлечения публике, а та по-прежнему не шла.

Наконец, на опилки арены брошен последний козырь: чудо-бенефис директрисы цирка А. М. Говориной. Двойная отборная программа. Кто не засмеется, тому премия 1000 р. (Бладецы кинематографа «Модерн» писали в другом ключе: «Убедительно просят не ходить в театр публику со слабыми легкими»). Увы, реклама помогала мало. Ничто, видимо, не могло уже предостеречь надвигавшуюся катастрофу. Спасение было в действительно первоклассном актере. Дрожащей рукой незадачливый антрепренер пишет приглашение Анатолию Анатольевичу Дурову, но ответа не стал дожидаться. Едва не личиванный кредиторами, он тайно уносит ноги из Закаспия, оставив многих актеров без копейки в гармане.

Между тем от Дурова приходит ответ: «Согласен пятнадцать дней пятьдесят процентов сбора подтвердите выезд рекламируйте». Лучиком надежды забрезжила эта телеграмма безработным музыкальным эксцентрикам и жонглерам, куплетистам, гимнастам и униформистам. Они знали, что гастроли сына прославленного русского клоуна — это полные сборы, верная возможность заработать деньги для возвращения в Россию.

Возникает инициативная группа во главе с «человеком-мячиком» А. И. Сосиным. Тем самым, о котором графиня С. Апраксина, последние дни донашивавшая свой титул, писала в «Ашхабаде»:

Гимнастов Сосиных семья пленила ловкостью меня.

Дурову посылается телеграмма: «Условиями согласен, выезд, рекламирую. Сосин». Преодолевая недоверие и осторожность к новой администрации цирка со стороны деловых людей Ашхабада, Сосин арендует помещение, заказывает афиши, регистрирует билеты.

Почтовый поезд с Дуровым встречала вся труппа. Вот он выходит, ангел-избавитель, из вагона. Красивый, с живыми веселыми глазами, уверенный в свои двадцать три года, каким иной не бывает и в зените жизни. Энергичный ученый-зоопсихолог, он привез с собой не всех животных и птиц. К счастью. Потому что в Закаспии пищевые запасы кончились, начались спекуляции торговцев со всеми признаками неадекватного голода: перестали выпекать булки, за фунтом мяса стояли несколько часов в очереди.

Медведь, лисы, обезьяна, пудели; фокстерьеры, дворняги и белые крысы покидают спецвагон. С вокзала их везут в цирк по тщательно продуманному маршруту. Через весь город, по са-

мым оживленным улицам, мимо мебелированных комнат, мечети, праздношатающихся обывателей возле трактора «Родное хлебопечение», оставляя с собой шлейф из ленточек с известием о приезде популярного клоуна. Старые извозчики и водовозы, наблюдавшие за шумной процессией, припоминали, что внешне все выглядело так, как и в те памятные дни, когда сюда с гастролями приезжали его родной дядя В. Л. Дуров и отец — А. Л. Дуров.

Оркестр перед зданием цирка играет марши. Он затихает, как только кассир сообщает, что все билеты проданы. А народ прибывает.

Напрасно разясляют, что гастроль продлится долго. Толпа не расходится. Она крепко усвоила заповедь персидского домостроя: сегодняшнее удовольствие не откладывая на завтра.

Дуров занимал полностью третье отделение. Вечером 12 марта состоялся его дебют. Боже, как похож на отца. Такой же костюм, с желтыми и синими блестками, пелеринз за плечами, большое белое гофрированное жабо вокруг шеи. Продолжателя славной клоуновской династии встретили шквалом аплодисментов. В сущности, это было его выступление, если не считать Ижевска, после вынужденного почти трехлетнего молчания: за сатирические репризы против мировой войны его арестовали в 1914 году и сослали в г. Котельнич Вятской губернии.

Да, похож на отца очень. Вот только в монологе шута, который он произносит своим красивым, хорошо поставленным голосом, то и дело прорываются нотки страстного оратора, агитатора, полемиста. Стиль семнадцатого года, стиль митингов, демонстраций, собраний проник в цирк.

Он с честью прошел отцовские университеты, но быт всю жизнь студентом отказался. В 1913 году отпочковался и основал собственное дело. Прирожденный талант клоуна-сатирика принес ему любовь и уважение провинциальной России. Проловочки ласки к «братьям нашим младшим», он, как и отец, метал сатирические стрелы по мишеням, силуэты которых напоминали сильных мира сего.

Так было и на этот раз. Программа клоуна изобиловала шутками, каламбурами, репризами. Он не жалел гротескных красок, разбирая по косточкам деяния «отцов» города — чиновников, лавочников, торговцев, гравших руки на людском горе.

Как всегда, в дуровских программах с блеском выступали животные и птицы. Обезьяна-эквилибрист чуть ли не сплясала барыню на узкой проволоке. Сибирский кот превратился в тихоню-овечку и мирно сосуществовал, даже являлся с мышами; а те, не церемонясь, взапуски бегали по его широкой и мягкой спине. Лисы сгинули сквозь обруч, наверху которого важно восседал петух. Комментарии Дурова к трюкам животных сопровождались гомерическим хохотом

публики. Номера эти отличались четкостью исполнения, жизнерадостностью, добродушным юмором.

После показа номеров дрессировки клоун приглашал ознакомиться с экспонатами своего музея редкостей. И опять незабываемый дуровский комментарий. Пройдет не так уж много времени после ашхабадских гастролей и он, демонстрируя крысу и явно намекая на первого адвоката-министра Керенского, скажет:

Вот крыса.
Ловкость у нее чертовски искусная.

Прямо-таки адак, это крыса адакатская.

Ашхабадцев пытались оставить в неведении относительно того, что произошло в Петрограде в самом конце февраля. Но разве можно долго скрывать правду? Дошли и сюда вести о том, что рабочие и солдаты сбросили с престола Николая II. Эта новость взволновала буквально каждого. В городе происходили массовые митинги, демонстрации с красными знаменами. В окрестных аулах устраивали тои в честь этого события. Анатолий Анатольевич принял приглашение местных поклонников его таланта, был среди празднующих, любовался красочной гаммой нарядных платьев и платков женщин, ювелирными украшениями из серебра, с удовольствием ел ароматный плов, пробовал восточные сладости, слушал песни.

Он приехал на пятнадцать дней, а пробыл почти месяц. Представления шли при полных сборах. Когда подошла пора обновлять программу, жена Дурова Анна Юрьевна Гельд, предложила своей силовым номер с гириями и штангами. Ограничься она этим, номер едва произвел бы впечатление. Владелица местного цирка Р. А. Добржанская, женщина-геркулес, в свое время отучила ашхабадцев чадиться, подбрасывая чуждые ядра под самый купол. Эта атлетка, живя в провинции, демонстрировала столький почерк в своих выступлениях.

Поэтому, по окончании силового номера, Анна Юрьевна бросала перчатку всем присутствующим борцам-любителям. Мало кто знал, что не было бы ни одного приема в поясной борьбе, которым бы она не владела в совершенстве, побеждая в многодневных дамских чемпионатах. Ее вызов не без колебания принял местный «Поддубный».

Десять минут первой схватки не дали никому перевеса. Дуэль перенесли на другой день. Двадцатиминутный поединок следующего вечера снова закончился ничью. Решительная схватка без ограничений времени принесла победу ашхабаду. Анна Юрьевна вручила ему приз.

Гастроли в Закаспии заканчивались. Цирк гасил огни. Непосредок всей труппой ездил за город, отраздновали пладеина генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина.